

Ты кормилец. Дом, отцовство, влияние

Машины скорой помощи проносились мимо каждые несколько минут. Отделение неотложной помощи в ближайшем госпитале перестало принимать людей, потому что просто не было мест; лечение молодых людей ставилось в приоритет перед лечением пожилых. Коронавирус жестоко ударил по стране, и, несмотря на то что мы в конце концов заперлись в домах, следуя правилам локдауна, на мой взгляд, меры были приняты поздно.

Наша дочь заболела. Мэриан заболела. Я заболел. Наш сын тем не менее чувствовал себя хорошо. Непонятно, подцепили мы тот самый вирус или нет. Мы с Мэриан были напуганы, но скрывали это от детей; день за днем мы ждали, кому из нас станет хуже, кого увезут в госпиталь, и не сомневались: если это не коронавирус, то мы обязательно заразимся там.

В первые дни, когда смертность росла и все закрывалось, было ясно, что это национальная трагедия, мировая трагедия, и нормальная жизнь — походы в магазины, на стрижку, встречи с друзьями — казалась странной фантазией.

На второй неделе локдауна мы все выздоровели и вместе отправились в многомесячную изоляцию. Не появлялось ни малейшего лучика надежды, количество смертей росло, но многие люди, включая меня, находили утешение в размышлениях о том, как изменится жизнь в этой стране, когда все закончится. Я решил пропускать катастрофические ошибки правительства и сосредоточиться на людях. Единство, проявленное во время кризиса, новые отношения с соседями, возрожденное общение,

пусть и на расстоянии, с членами семей и друзьями — все это способно принести в мир больше заботы и эмпатии. А какова же роль мужчин во всем этом? Способно ли время, проведенное дома, вызвать в них внутренние изменения? И как они это воспримут?

Несколькими неделями ранее произошло безобидное событие, которое потом стало казаться мне невероятно странным: два человека сидели за столом в пабе с несколькими кружками пива, по телевизору на фоне шел футбольный матч. Картина мужественности, могли бы вы сказать: знакомая и теплая, более дешевая, чем психолог, да и орешки здесь вкуснее. Простые удовольствия, которых мы вскоре лишимся.

Саймон Ганнинг, руководитель CALM, рассказывал мне о том, что количество самоубийств за год выросло на 11%, и объяснял, почему такую статистику стоит считать барометром общественного благополучия. Его организация недавно запустила линию поддержки для бездомных, среди которых риск суицида выше в четыре раза:

Мы не знаем, сколько бездомных в действительности убивают себя, потому что правительству дважды плевать на причины их смерти. Но нам доподлинно известно, что большинство бездомных — мужчины и большинство самоубийц — мужчины. Так что невольно начинаешь задумываться, откуда ноги растут.

На экране позади нас Мохаммед Салах промазал, и камера переместилась на лица фанатов, страдальчески обхвативших головы руками. Саймон помолчал, затем продолжил:

Когда начинаешь изучать конкретные случаи, связанные с этими группами повышенного риска, то обычная и очень правдоподобная история выглядит так: некто мужского пола, переживший травматичное детство, оказывается

под присмотром, затем подсаживается на вещества, после попадает в тюрьму, выходит на свободу бездомным и гибнет в результате суицида. И каждый из них — мужчина, мужчина и снова мужчина. В основе — маскулинность, остальное — декорация.

Мы с Саймоном пили и размышляли о том, как можно заставить парламентариев, отвечающих за систему правосудия, доискиваться до причин криминального поведения, а не просто наказывать его.

— И первопричина — опять же маскулинность.

Мужчин поощряют к демонстрации силы и власти, а когда обстоятельства препятствуют достижению этих идеалов, результатом может стать преступление.

Саймон рассуждает о собственном опыте.

Мой папа вырос в системе ограничений. Я помню, как лишь однажды в детстве у нас был с ним телесный контакт, а в следующий раз я уже прикоснулся к мертвому большому пальцу его ноги. Он лежал в госпитале, в больничной кровати — согласно традиции, я зашел попрощаться с отцом наедине и перед уходом потрогал его. И подумал: «Кажется, я не прикасался к тебе с тех пор, как мне исполнилось десять».

Можно понять, почему все произошло именно так: он был выходцем из рабочего класса западной части Лондона, хорошо устроился, стал управляющим директором компании, владел «Фордом Капри» — чего еще нужно? Но он не мог избавиться от унаследованных стереотипов мужского поведения. Несмотря на то, что они мешали ему и, конечно, наносили вред мне, ребенку. Это выросло из послевоенной среды, когда у одного соседа нет ног, у другого — руки, а у тебя — вкусной еды и ты пытаешься ужиться со всем этим.

Люди обращаются к прошлому, чтобы спокойнее воспринимать будущее. «Сделаем Америку снова великой», «Дух

героического прошлого» и все такое. Мы живем в самое безопасное время за всю историю человечества, в лучшее время для жизни — и все равно воспринимаем мужественность через устаревший фильтр. Чтобы быть настоящим мужиком, ты должен уметь махать кулаками. То есть вести себя как мужчина... ну, скажем, *XII века*? Вместо того, чтобы радоваться возможностям свободного самовыражения, которые есть у нас сейчас.

Я говорю своему сыну, что люблю его, примерно раз десять в день. Это часть нашего с ним языка, нашего образа жизни. Но многое в мужском поведении завязло в прошлом и в сковывающей ностальгии по прошлому.

Дом там, где твое сердце, или там, где сердце было впервые разбито. Дом — это первая арена для уроков мужественности именно потому, что дом не мужское место. Согласно старинным патриархальным устоям, мужчине надлежало находиться каким-то образом над домашним пространством или как минимум принимать сравнительно малое участие в формировании эмоциональной атмосферы; и дети усваивают эти идеи. Отцовская ответственность огромна, но в течение многих лет после войны воспитание детей не было сферой ответственности отцов. Работа — мир мужчин, дом — мир женщин. Детская травма, питающая столь непродуктивное мужское поведение, часто возникает из-за пугающей фигуры в гостиной или пустоты на ее месте. Хотя присутствие отца ни в коем случае не является условием для теплой, счастливой семьи — это подтверждают семьи, состоящие из матерей-одиночек либо одних только женщин или небинарных людей, — но если с отцом что-то не так, это может оказать деструктивное влияние на дальнейшую жизнь ребенка. Матери тоже бывают кошмаром, однако мы говорим о мужчинах — у них есть склонность либо изображать «мужика в доме», либо отсутствовать эмоционально, а то и физически.

Но отец способен оказать и мощное позитивное влияние. Независимо от последующего опыта, трудно изменить впечатление о мужественности, полученное в детстве. Саймон, который, к сожалению, пил свой напиток медленнее, чем я (не то чтобы я пытался перещеголять его; просто у меня есть определенные проблемы с общением, и для их преодоления требуется больше алкоголя), рассуждал о трудностях всех гендерных отношений в этом мире:

Немного странно, что разговоры о маскулинности мы ведем только с мужчинами. У меня есть пятнадцатилетняя дочь и тринадцатилетний сын, и мужественность, которую они оба видят вокруг, важна как для его будущего счастья, так и для ее.

Если мир должен измениться во имя равенства, отцам придется включиться в процесс дома — из вполне практических соображений. В 2019 году организация Promundo выпустила доклад «Положение отцов мира» (State of the World's Fathers), содержащий анализ данных о 12 000 мужчин из 11 стран, включая Великобританию. Согласно ему, мужчины выражают желание проводить больше времени с детьми, а 93% британских пап утверждают, что «сделают все возможное» для участия в раннем развитии своих детей, однако только 44% из них взяли полные две недели отпуска по уходу за ребенком. Более того, отцам позволено брать так называемый родительский отпуск по окончании аналогичного у матери — фактически это узаконено с 2016 года, — но менее 1% из них воспользовались такой возможностью. По сути никто. Почему? Отсутствие реальных стимулов от работодателей, желающих, чтобы мужчина фокусировался на прибыли, неравная оплата — женщинам платят меньше, соответственно, если гетеросексуальной паре предстоит потерять одну зарплату, скорее всего, будет решено отказаться от зарплаты женщины, из-за чего в будущем она

может не рассчитывать на большой доход, — и культурные табу; все складывается не в ее пользу. Плюс, конечно, уход за детьми выглядит как тяжелая и грязная работа: «*Это мужской мир, и мы не должны вытирать какашки*».

Я сидел с Гэри Баркером из Promundo и его дочерью в книжном магазине «Ковент Гарден». Они американцы и выглядят так, будто сошли с обложки глянцевого журнала; я же, пробежав под дождем, походил на чудака, вывалившегося из водосточной трубы. Дочь Гэри не участвовала активно в беседе, но удивила меня своим спокойным отношением к теме: молодая студентка американского университета, она привыкла к тому, что гендерные роли занимают верхние строчки в повестке дня.

Гэри основал Promundo после долгой работы в бразильском Рио-де-Жанейро; там он пытался найти альтернативные жизненные пути для мальчиков из *фавел*, чтобы удержать их подальше от банд. Этот свой опыт он описал в книге «Умереть, чтобы стать мужчиной» (*Dying to be Men*). Бывшие члены банд вошли в штат Promundo — организация начиналась с 20 таких молодых парней; они были промоутерами и соавторами программы «Мужество 2.0», которая легла в основу образовательной деятельности подобных объединений в разных странах. Сейчас Promundo работает с правительствами и неправительственными организациями по всему миру, собирая данные и обучая мальчиков и мужчин способам борьбы с гендерным насилием и регрессивной маскулинностью, которая, как правило, стоит за ним. Существуют огромные различия в положении мужчин разных стран, но есть у них и кое-что общее. По словам Гэри, ключевая особенность — это контроль мужчин над женщинами, а также то, что мужчины являются кормильцами. Гэри называет это «ловушкой дающего».

Я работал в полевых условиях от Афганистана до Балкан и Южной Африки, и только одну вещь наблюдал повсюду. Мужчины способны выполнять много разных задач, но они

должны быть кормильцами. Даже те, кто в большей степени вовлечен в воспитание детей или находится в положении «домашнего» папы, беспокоятся о том, что подумают о них дети и окружающие.

Мужчины связывают себя с работой. Мужчина — часть трудового мира, и это значит, что работа становится составляющей его личности, а коллеги — его племенем, поэтому потеря работы способна разрушить его. Потеряв свою предыдущую работу, я увидел в этом осуждение меня как мужчины: не перерыв в карьере, а мой личный провал. Согласно статистике мужских самоубийств в Великобритании, хуже всего обстоят дела в регионах с высокой безработицей, а самая высокая вероятность самоубийства — в возрастной категории 40–60 лет. Потеря работы, безусловно, влияет на это, разрушая семьи, склоняя к зависимостям, но есть и более важный аспект: она оборачивается потерей самого себя для любого, кто вырос с мыслью, что мужчина обязан быть кормильцем.

В наше время, как мы знаем, работающие мужчины не ограничивают себя рамками самоутверждения с девяти до пяти, они открывают для себя фитнес, экстремальный спорт и путешествия как важные составляющие жизни. Им доступны новые способы самоидентификации и развития.

Мысль о том, чтобы провести время дома с семьей, однако, до сих пор выглядит менее привлекательной. Конечно, некоторые известные отцы демонстрируют в Instagram любовь к своему дому и семье, поддерживаемые восторгом подписчиков, но статистически, глобально, мужчины не воспринимают дом как «свое место». Особенно если речь идет об уходе за детьми.

Доклад Promundo «Положение отцов мира» утверждает: когда мужчина более активно участвует в воспитании детей, результаты впечатляют. Согласно исследованию, мужчинам достаточно всего на 45 минут в день увеличить количество

неоплачиваемого времени, посвященного заботе о детях (которое сейчас непропорционально разделено между родителями — не в пользу женщин); это даст женщинам больше времени на карьеру и улучшит качество жизни как отцов, так и детей. Даже Скандинавия с их «латте-папами» (мужчинами в декрете) не добилась равенства в этом вопросе, а в местах вроде Египта и Юго-Восточной Азии женщины трудятся в десять раз больше, чем их мужья; мужчины в этих странах будут опозорены, если поделят труд поровну с женами. Во всем мире царят одни и те же представления — о контроле над женщинами, о разделении труда на женский и мужской и роли мужчины-кормильца в семье.

Гэри предлагает не осуждать мужчин за это, а попытаться достичь результатов более продуктивным способом.

— Нам нужно понять и принять, что зачастую именно таким образом мужчины удерживаются на плаву и выполняют требования, которые, по их мнению, им предъявляет мир, — говорит он.

Прогресс в расширении прав женщин был достигнут через добавление возможностей для них, но ничего такого не сделано для мужчин. Новое направление мужественности — это *открытие* возможностей, а не отказ от них. Женщины могут быть счастливы с кем-то, кто не злоупотребляет силой и дает им свободу, но при этом сумеет убить насекомое и поменять колеса. Нельзя сказать, что первое и второе находятся на разных сторонах спектра: важно, что в середине есть большая зона, в которой они пересекаются.

Задача — не покончить с мужественностью, а развить ее. Поощрять мужчин, подталкивая к более позитивным проявлениям. В этом есть огромный потенциал — учитывая, насколько сильно влияет на детей противоположное поведение, когда мужчина отсутствует или утверждает свою власть насилием,

считая, что его мужественность расшатывается в этом женственном мире.

— Значимый фактор, провоцирующий насилие (в особенности домашнее, против ближайшего партнера, но и другие его формы тоже), — это то, что они видели дома, — говорит Гэри.

Особенно это касается мальчика, наблюдавшего насилие, совершенное мужчиной над его матерью, что случается в сорока процентах семей в странах, где мы ведем исследования. Вероятность того, что этот мальчик тоже проявит агрессию в отношении своей партнерши, значительно выше, чем у ребенка, который такого не наблюдал. Обычно мужчины, прибегающие к насилию или чрезмерно контролирующему поведению, регулярно видели что-то подобное в детстве.

Гэри подчеркнул, что не предлагает превратить насильника в жертву или стигматизировать мужчин, ставших в детстве свидетелями насилия. Он призывает признать, что:

Это травматический опыт, а насильник — это человек, который такой опыт пережил. По его мнению, нужны более тонкие сообщения, чем кампании и учебные пособия, заявляющие, будто все мужчины с равной вероятностью способны проявить насилие по отношению к партнерше — ведь это неправда. Необходимо разбираться с путями, которые ведут к насилию, а не винить в нем всех обладателей мужских хромосом.

Работа Promundo над тем, чтобы «мужественность стала видна» (обучение мальчиков уважению, вниманию и сопротивлению насилию), как и глобальные исследования маскулинности, проводимые в партнерстве с влиятельными организациями вроде Unilever, — все это привлекло к их деятельности внимание

ВОЗ и правительства, потому что всем ясно: то, что происходит в домах страны, напрямую влияет на качество жизни народа страны.

* * *

Для Чарли Уэбстер домашнее насилие — сердце социальных проблем, с которыми сегодня вынуждена справляться Великобритания. С этой харизматичной ведущей и борцом за права из Шеффилда я разговаривал по телефону. Чарли, кроме того, член комиссии Министерства юстиции, представляющей интересы жертв домашнего и сексуального насилия. Она рассказала мне, что видит последствия повсюду.

Нам не удастся изменить общество, потому что мы не ищем первопричин. Домашняя жестокость подпитывает все. Мы смотрим на бездомных или поножовщину и не обращаем внимания на то, почему это происходит, а ведь причина — жестокое обращение в семье. Когда речь заходит о поножовщине, мы демонизируем молодых парней, следовательно, ревиктимизируем их, а не спасаем, потому что у нас не нашлось времени разобраться. И пока мы не понимаем, ничего не изменится.

Чарли говорит от имени мужчин и женщин, жертв жестокого обращения в семье, и стремится к тому, чтобы это не превратилось в гендерную войну. Согласно статистике, в большинстве случаев насилию подвергаются девушки и женщины, а с 2018 по 2019 год количество женщин, убитых нынешними или бывшими партнерами, выросло на 27%; однако треть жертв домашней жестокости составляют мальчики и мужчины. Жертвы мужского пола страдают и от еще одного побочного фактора, связанного с маскулинностью: общество рекомендует мужчинам просто забыть об этом, и, если у них это не получается, их стыдят снова и снова.

— Язык крайне важен, — говорит Чарли.

Многие мальчики и мужчины постоянно слышат: «Соберись, будь мужиком». Однажды я работала со случаем, когда полицейские заявили мужчине, решившему покончить с собой из-за жестокости в отношениях с женщиной, чтобы он «собрался и был мужиком» — и это могло легко убить его. Не унижение, а отказ в помощи и слова, из-за которых он снова испытал стыд.

Чарли выросла с тремя братьями в неблагополучной семье. Травма, по ее словам, была у каждого из них, но общество, как правило, смотрит на это иначе. Она рассказала о своем посещении проекта для молодых парней, которые больше напомнили ей насильников, чем жертв.

Проблема есть даже в нашем языке: говоря «жертва», мы слышим «слабость». Я не раз подвергалась жестокому обращению, но никогда при этом не была слабой: я была самой сильной девушкой — ведь я выжила и теперь сижу тут! Так почему же, если ты жертва, тебя считают слабой из-за того, в чем ты точно не виновата? В связи с этим жертвы начинают чувствовать, будто на них *лежит* вина, и это на руку насильникам — они *рассчитывают*, что жертва, считая себя виноватой, никому ничего не расскажет. В том проекте участвовали сотни молодых парней, все они демонстрировали опасное поведение и хотели казаться крутыми мужиками, хотя каждый из них был жертвой.

«Жестокость» — термин, который использует Чарли вместо «насилия»; последнее концентрируется лишь на физических аспектах, в то время как психологическая жестокость не меньшая проблема. Законодательство отстает в этом вопросе: даже если вы пережили 30 лет ада, полиции, чтобы

приняться за расследование, нужен случай нападения или нанесения тяжкого вреда здоровью, так что эти 30 лет значат меньше, чем одно нападение. 85% жертв домашней жестокости никогда не связываются с полицией и не обращаются в суд. Чтобы сломать это табу, Чарли ведет подкаст «Необсуждаемое».

С ее точки зрения, домашняя жизнь и окружающая среда — ключевые факторы, закладывающие основу в мужскую дисфункциональность, особенно когда речь идет о молодых парнях, задержанных за уличное насилие.

Они не рождаются такими: их этому учат. Будучи ребенком, я знала лишь один мир — мое окружение: оно было для меня мерилom нормы. Как можно ожидать, что молодые люди будут выстраивать правильные отношения с миром, если они не видели правильных отношений в собственных семьях?

Чарли указывает на связь между домашней жестокостью и суицидом; как будто один маленький осколок зеркала из сказки, попав обществу в глаз, принес столь ужасные проблемы:

Основная причина бездомности — жестокое обращение дома. Злоупотребление запрещенными веществами и алкоголем часто встречается среди мальчиков, выросших в жестокости и пренебрежении: они ищут в наркотиках и выпивке не развлечения, а способ успокоиться. Почему никого не интересует, из-за чего молодые люди так себя ведут? Вместо этого мы обращаемся с ними как с недостойными. Чем больше мы показываем им, что они недостойны, тем больше подчеркиваем истинность того, что они усвоили в детстве. Знаешь, когда я была маленькой, мы не носили с собой ножи, но выходили на улицу с одним желанием — выжить. Кто угодно — ты, я, человек из правительства или кто-то еще — делал бы ровно то же самое, что и эти парни, окажись он на их месте.

В этом и состоит глубокая истина маскулинности: особая среда формирует ее особую форму. Среда и есть маскулинность: там, где ценится гегемонная маскулинность, мужчины следуют определенным сценариям. Мы все действуем так, как диктует нам мир, в котором мы выросли, и повторяем те способы взаимоотношений, которые наблюдали в нем. Нам необходимо развивать в мужчинах самоуважение и самооценку, не зависящие от соответствия каким-то физическим требованиям, — но одновременно мы сами должны коренным образом пересмотреть свое отношение к мужской ценности. Начиная с роли мужчины в доме.

Мы знаем, к каким разрушительным последствиям ведет сила, находящаяся в руках отцов, и можем (должны!) поощрять другие способы поведения. Дети *расцветают* при поддержке отцов: безопасность и теплота создают стену, защищающую ребенка как изнутри, так и снаружи. Отец в роли заботливого родителя и защитника, способный без стеснения показывать свои чувства, оказывает огромное влияние на своих детей и на тот след, который они оставят в мире.

Напоследок Чарли дает мужчинам совет:

Посмотри на себя. Все начинается на личном уровне. В порядке ли ты? Борешься ли с чем-то? Чувствуешь ли, что ты уязвим или тебе грозит опасность? Начиная работать с этим — потому что все это приводит к агрессии и непродуктивному поведению. В минуты счастья ты не захочешь срываться на других; ты не будешь жестоким, находясь в мире с собой. Ты можешь сделать очень важную вещь — показать свою уязвимость. Такое поведение — смелое и безрассудное, и оно реально трудно дается. Я знаю, как тяжело бывает мужчинам вести себя открыто с друзьями, но мы должны поощрять это. И если существует плохое поведение, то смелость заключается в том, чтобы сказать: «Я так не хочу».

* * *

В лесу, на окраине графства Кент, в секретном месте, известном немногим, стоит огромный дом с вертолетной площадкой, обвешанный камерами наблюдения. В этом доме меня ждал человек, которого мне однажды отрекомендовали как «неприятного, но хорошего». Кстати, это сказала его жена.

Кев прежде служил в спецназе, а сейчас он бизнес-гуру, советник правительства и враг всех дураков. Он не любит ходить вокруг да около. Болтовня здесь запрещена. Визит к нему похож на посещение антиклиники: за вашей кожей там не ухаживают, а сдирают ее к чертям. И дело не в мачизме: Кев ненавидит любое притворство. Мне нравится находиться рядом с ним, и есть в этом что-то извращенное, ведь у меня нет возможности спрятаться.

Мы встретились с ним за несколько месяцев до начала локдауна. Я люблю приходить в его дом — будто на вечеринку в бункере, где можно выпить и сбросить груз с души. Где удастся поговорить с тем, кто, возможно, является полной моей противоположностью; тревога ненадолго улетучивается, все открыто и понятно. Ему на это наплевать, по его словам. Его жизненная позиция — результат многих лет борьбы с трудностями детства: он рос в детских домах, подвергался травле в школе, страдал от жестокого обращения, сбегал, насиловал и воровал и в итоге в 16 лет предстал перед судьей, который предложил ему выбор: пойти в тюрьму или на военную службу. Кев предпочел последнее и сосредоточил свой пугающе высокий интеллект на карьере в спецназе. После увольнения со службы он прекрасно обустроился. По сути, он один из тех людей, глядя на которых ты думаешь: что я делаю со своим временем? Я не могу видеть «Мустанг» в его гараже — это слишком больно. Однако меня поражает та открытость, с которой Кев говорит о своей семье.

Во время нашей встречи в домашнем баре Кева, украшенном винтовками, пистолетами, патронами и прочими сувенирами — я *думаю*, что это сувениры, но, возможно, это и настоящее оружие, — его жена и дети периодически заходили в комнату, и я заметил, что его поведение и яркая лексика не менялись при обращении к ним. Чувствовалось, что в этой комнате живет чистая и неукротенная, такая неупорядоченная человечность, которую можно схватить, потрясти. Я спросил, вникает ли он в проблемы своих детей. Я много раз наблюдал, насколько минимальным бывает взаимодействие отцов с трудностями реальной детской жизни, их тревогами, связанными с отношениями, — обычно это материнская епархия. Кев считает, что в функциональной семье все должно быть иначе, и он сознательно создал безопасное пространство, в котором могут общаться члены его семьи. По его убеждению, это особенно важно для младшего сына.

— Мальчики должны понимать свои эмоции, — сказал он, бросив в меня гранату и еле удержавшись от смеха, когда я в панике уронил ее на пол.

Каждое воскресенье у нас проходит семейный разбор полетов. Мы садимся вместе и обсуждаем, чем каждый занимался в течение недели: кто чего достиг, за что он благодарен, чего ждет и к чему стремится. Где ты напортачил? Что заставило тебя плакать, из-за чего ты кричал? Каждый должен разобраться с чем-то.

Он продолжил типичной проповедью о том, почему именно отцам надлежит прививать социально ответственные ценности новому поколению мальчиков.

Отцовство на расстоянии — когда мужчины не присутствуют в жизни своих детей, часто из-за работы допоздна или

потому, что играют в чертов гольф, — означает, что они не растят своих детей должным образом. Если у мальчика есть отец — и не просто какой-то там, который иногда что-то делает, а реально присутствующий, — он обязан научить сына не быть мудаком. Не травить других детей, не нападать, сопротивляться влиянию плохой компании, уважать женщин и понимать, что женщины не хотят, чтобы их трогал кто попало. И еще он должен объяснить мальчику, что плакать и кричать — это нормально.

Таким образом, взаимодействие с мальчиками, в процессе которого родители поощряют выражение эмоций, принципиально; нельзя позволять им закрываться в себе. Это, конечно, может поднять уровень шума, но как минимум предотвратит одинокое и разрушительное погружение в безмолвие.

Семья Кева следует правилам, разработанным в спецназе:

Два слова: смирение и юмор. Это моральный кодекс войск специального назначения. Смирение позволяет свободно, без помех, говорить все, что хочется, а благодаря юмору ты можешь делать это с шуткой. Мы в семье разрешаем себе шутить над чем угодно — и таким образом открыто и откровенно обсуждаем любые вопросы. Если у кого-то из моих детей возникает проблема, они приходят поделиться со мной. Людям следует перестать зажиматься. С детьми все вопросы, касающиеся их эмоций и сексуальности, решаются посредством общения, смирения и юмора.

Смысл не в том, чтобы подчиняться армейскому уставу, а в том, чтобы почерпнуть в этих правилах полезные мысли. И, вооружившись ими, составить собственный устав. Если мы заглянем в самые глубины души, что там увидим? Кем мужчина хочет стать? Какое влияние он способен оказать на общество? Кому он сумеет помочь?